

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

**Сборник статей
по материалам конференции**

1469983

ВОЛОГДА
2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, МЕТОДИКА

Андреева Е.П., Берсенева Л.А. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД «СЛОВАРЕМ ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКИ СЕВЕРНОЙ РУСИ XV–XVII ВВ.»	3
Андреева Е.П. СТРУКТУРА ФОНЕТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ГОВОРЕ РЕЖИ	10
Зорина Л.Ю. ПАРЕМИИ В ЖИВОМ НАРОДНОМ БЫТОВАНИИ (на материале речи жителей Режского поселения Сямженского района Вологодской области)	21
Комлева Н.В. КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРОЗВИЩА И ОТТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕЖСКОГО СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ	29
Богобоязов С.Н. ЗАПИСИ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВСЕСТОРОННЕГО ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТА	32
Бубнова Н.В. К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ (на основе работы со смоленским материалом)	39
Газукина Ю.А. МИКРОТОПОНИМИЯ ОРЛОВЩИНЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ О ГЕОБОТАНИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ И КАРТИНЕ ЖИВОТНОГО МИРА РЕГИОНА	46
Черняева М.И. РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ ПРИВЕТСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	52
Локтев Е.В. БЕЗЛИЧНО-ГЕНИТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ТЕКСТЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ	55
Климас И.С. СЛОВА С ПРЕФИКСОМ РАЗ- / РАС- В ВОЛОГОДСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПЕСНЯХ	58
Трикоз Э.Л. ОТРАЖЕНИЕ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ ВОЛОГОДСКИХ КУПЦОВ ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (на материале писем фонда Шелиховых-Будлаковых Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, конец XVIII–первая половина XIX века)	65
Ненашева Л.В. ГРАФИЧЕСКИЕ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИТИЯ АРСЕНИЯ КОМЕЛЬСКОГО НАЧАЛА XVIII ВЕКА	69
Выхрыстюк М.С. СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ НОРМИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ	73

Кулева А.С. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ (на материале «Словаря русской поэзии XX века»)	77
Теуш О.А. ДРЕВЕСНАЯ МЕТАФОРА В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО СЕВЕРА	83
Яцкевич Л.Г. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЛОВА «РАКИТА» В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА	85
Головкина С.Х. ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВАНАЗВАНИЙ ДЕРЕВЬЕВ В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА.....	95
Нуралиева Л.А. СЛОВО «ВДОВА» В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА (традиционные и индивидуально-авторские особенности употребления).....	103
Зубова Н.Н., Ильина Е.Н. ПОВЕСТЬ А.Я. ЯШИНА «ВЫСКОЧКА»: К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	107
Карачева Н.Н. ФЕНОМЕН ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (на материале сопоставления анализа записей речи Н.Д. Шиловской и анализа речи женских персонажей прозы А.Я. Яшина)	113
Судаков Г.В. В. И. БЕЛОВ И ПРОБЛЕМА «ВОЛОГОДСКОГО ТЕКСТА»	118
Гусева О.Н. РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО».....	129
Петров А.В. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВОЛОГОДЧИНЫ В ПОЭЗИИ ОЛГИ ФОКИНОЙ	135
Виноградова А.С. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНА «КАРЬЕРА» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКИХ ТЕКСТАХ.....	142
Попов Р.В. НЕОФИЦИАЛЬНАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ ВОЛОГДЫ	145
Гладцинова М.Н. СЕМАНТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ АРХЕТИПИЧЕСКОГО ОБРАЗА СЕВЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	154
Минец Д.В., Елистратова К.А. ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	159
Игнатьева Т.В. ЯЗЫК РЕКЛАМЫ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ.....	164
Драчева Ю.Н., Ильина Е.Н. ДИНАМИКА ОБРАЗА ВОЛОГДЫ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	167
Драчева Ю.Н., Опахина Е.В. ЗАРУБЕЖНЫЙ МЕДИАТЕКСТ О ВОЛОГДЕ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	177
Соколова К.Н. ОБОЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ ‘СНЕГ’ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	181
Колесова И.Е., Колесова М.Л. ВОЛОГОДСКИЙ И ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ РАЙОНЫ В КАРТИНЕ МИРА СТУДЕНТА-ПЕРВОКУРСНИКА.....	186

5. Пожарицкая, С. К. Русская диалектология. – М., 2005. – 256 с.
6. Русская грамматика: в 2-х томах. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – Том II. – М., 1980. – 710 с.
7. Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. – М., 2005. – 283 с.
8. Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова. – М., 1990. – 207 с.
9. Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. – М., 1972. – 304 с.
10. Селезнев Ю. И. Василий Белов: Раздумья о творческой судьбе писателя. – М., 1983. – 144 с.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований. – М., 1999. – Т. 4. С–Я.
12. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Стронис предложения. – Москва, 1953. – 317 с.

А.В. Петров
Архангельск

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВОЛОГОДЧИНЫ В ПОЭЗИИ ОЛЬГИ ФОКИНОЙ

Поэзия Ольги Александровны Фокиной (1937 г. р.) широко известна в России, высоко оценена критиками, отмечена рядом престижных литературных премий, поэтесса награждена орденами и медалями, является лауреатом Государственной премии России. Однако главная ее награда – это искренняя бескорыстная любовь народа, безоговорочное признание читателей ее самобытного и уникального таланта, ведь основополагающими для творчества О. А. Фокиной были и остаются темы родины, природы, сельской жизни, проблемы сохранения духовного богатства русского народа и возрождения умирающей русской деревни, ее поэзия зиждется на подлинно народном мировосприятии, она буквально пронизана фольклорными мотивами, предельно насыщена элементами живой – «родниковой» – народной речи.

Ведущим, концептуальным образом поэзии Ольги Фокиной является яркий, колоритный, неповторимый по своей красоте и глубине образ Русского Севера – родного и любимого для нее, коренной северянки, края. В своем творчестве поэтесса отражает специфику северной природы и культуры, передает особенности менталитета северян, поднимает проблемы сохранения народных традиций Севера.

Основным источником вдохновения Ольги Фокиной является ее малая родина – деревня Артемьевская Верхне-Тоемского района Архангельской области, в которой она до сих пор подолгу живет, в которой родилось и рождается большое количество ее неповторимых поэтических строк. Поэтесса убеждена: *Большая Родина без малой / Не то что слишком велика, / А как бы дом родной – без мамы, / Без дела – мамина рука, – / Непредставима, неконкретна, / Не столь заботлива, тепла...* («Большая Родина без

малой...»). Не случайно девизом ставшего уже традиционным в родных местах поэтессы Фокинского литературно-музыкального фестиваля (в 2015 году состоялся пятый фестиваль) стала крылатая фраза из стихотворения О. Фокиной: «Счастлив тот, кто счастлив дома, на своей родной земле».

Тем не менее, вот уже около полувека родным городом члена Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России» О. А. Фокиной является Вологда. Мало того, в 2013 году поэтессе присвоено звание Почетного гражданина города Вологды за выдающиеся достижения в развитии отечественной литературы, прославившие город Вологду на всероссийском уровне. (Постановление Администрации города Вологды от 06.06.2013 № 4615).

В предисловии к вышедшему в Вологде в 2007 году юбилейному сборнику стихов Ольги Фокиной, ее дочь – поэтесса и литературовед Инга Чурбанова (Никитина), рассуждая о мифе об исконной «вологодскости» Фокиной, пишет: «воложане считают ее прежде всего своей, как бы вынося за скобки архангелогородское рождение, московскую юность и общероссийскую известность поэта» [2, с. 7]. В связи с этим интересно проследить, каким образом Вологда и Вологодчина нашли отражение в поэзии Ольги Фокиной. В нашей статье мы обратим внимание на языковую репрезентацию вологодского края в творчестве поэтессы.

Прежде всего рассмотрим функционирование вологодских топонимов в поэтическом контексте. Произведения цитируются по публикациям, размещенным на сайте Вологодской областной научной библиотеки [5].

В 1981 году у Ольги Фокиной появляется стихотворение «Вологде», ставшее известной песней, в котором создается величественный и притягательный образ древнего русского города: *Соборы величавые, / Из труб дымки курчавые, / И берега с ледянками, / И ребятишки с санками. / В снегу березы белые / Стоят заиндевелые, / И нет на свете города / Белей, чем город **Вологда**. Каждая строфа стихотворения заканчивается гиперболической сравнительной конструкцией, характеризующей разные времена года в Вологде и создающей выразительный рефрен: *Ведь зеленей, чем **Вологда**, / Нигде не встретишь города; И нет на свете города / Щедрей, чем город **Вологда**: *Ведь нет на свете города / Теплей, чем город **Вологда**.***

Название областного центра можно обнаружить еще в ряде стихотворений поэтессы, например: *Вот она и **Вологда** – / Станция моя* («Стали дни – не золото...»); данная номинация приобретает в поэтическом контексте весьма показательное приложение *град*: *Кто это, мокрый, лохматый, - воскрес? / Это же наш замечательный Рекс! / В Вологде-граде оставленный с папой, / Как он нашел нас, коричневолапый?!* («Горн не сплет в шесть утра – не в Артеке...»); может выступать в функции субъекта, при этом происходит метонимический перенос «город – горожане»: *Застеклила **Вологда** балконы: / Где ни глянь – оконные очки!* («Застеклила Вологда балконы...»).

Чаще всего данный топоним в поэзии О. Фокиной употребляется в форме предложного падежа с предлогом *В*, выполняющей функцию лока-

тива и нередко занимающей сильную позицию начальной строки: *То ли март в Вологде / Чересчур холоден — / Не сумел к празднику / Намостить настужку* («То ли март в Вологде...»); *В Вологде снимается / Фильм про старину. / Наш народ старается, / Плещет, — ну и ну!* («В Вологде снимается...»).

Экспрессивность, динамичность поэтической фразы в номинативных предложениях подчеркивается пунктуационным выделением локативного детерминанта, после которого ставится тире, провоцирующего выразительную паузу: *В Вологде — оттепель: / Кар-р! Кар-р! / Из следа отпито: / Март. Март* («В Вологде — оттепель...»); *Ой, в Вологде — ураган! / Девку — дубом по ногам! / Парня — крышей по башке! / Бабку — ввысь на батожке!* («Ой, в Вологде — ураган...»).

Подобная конструкция с предлогом *ПО* помогает поэтессе создать качественную стилизацию под фольклор: *Вдоль по Вологде — метель, метель, метель... / Не была я дома несколько недель. / Вдоль по Вологде метелица / На меня, гуленку, сердится* («Вдоль по Вологде — метель, метель, метель...»), не даром данное стихотворение очень органично воспринимается в качестве песни в исполнении Северного академического русского народного хора.

Данный топоним в функции локатива эффектно используется в эллиптических предложениях с пропущенным сказуемым: *Возле Вологды / Дни и ночи зуд: / Во все стороны / Поезда бегут* («Кто на Тарногу?»); *...Вновь в конвульсиях в Вологде мать: / Послан сын убивать, погибать* («Чу-чу-чу...»).

Номинация *Вологда* участвует в создании важного для поэтессы противопоставления города и деревни: *Ехали мы, ехали / Из деревни в Вологду...* («Ехали мы, ехали...»); причем именно деревня воспринимается домом, а город — временным пристанищем: *Стали дни — не золото. / До свиданья, дом! / Уезжаю в Вологду / С другом-рюкзаком* («Стали дни — не золото...»); ср.: *Спасибо, город. Надо уезжать. / Меня здесь больше нечему держать. / Переборолa грохот и асфальт / Родных лесов синеющая даль* («Спасибо, город. Надо уезжать...») — лирическая героиня благодарна городу за зимний приют, однако неотвратимо стремится к родному летнему деревенскому бытию.

При оформлении антитезы «север — юг», также немаловажной для О. Фокиной, Вологда и деревня объединяются как представители Севера, хотя и не отождествляются: *По Югу грусти нет — / Мне хватит Севера: / Деревни, Вологды!* («Хлопочут с визами...»).

В остросоциальных стихах поэтессы данный топоним становится необходимым для создания еще одного показательного противопоставления — «Россия — Запад»: *Дай! — свирепствуют потребители, — / Ас-Нью-Йорк вместо чушки Вологды! / В угол загнанные родители / Опускают смущенно головы* («Дай!») — речь идет об отрицании молодым поколением нравственных устоев Родины и предпочтении им западных ценностей, с этим связано появление оценочной лексемы с ярко выраженной отрицательной коннотацией: «чушка (разг.) о грязном человеке» [1].

Несколько раз использует О. Фокина в своих стихах гидроним *Вологда*, называющий реку, на которой стоит одноименный город: *Пройдусь по набережным Вологды*, / *По той и этой стороне*: / *Места, где хаживано смолоду*, / *С годами дороги ввойне* («Пройдусь по набережным Вологды...»); *Через Вологду – четыре моста*, / *А понтонный – пятый*. / *Струйка к струйке, за верстою верста* / *Мимо нас – куда-то...* («Через Вологду – четыре моста...») – на обозначение водного объекта указывают подчеркнутые средства контекста; аппозитивное дефисное сочетание со словом *река* уточняет данный гидроним, отличая его от городского наименования: *Вольна, полна разлива вешнего* / *Несется Вологда-река* / *От своего родного-здесьнего* / *В иные дали-мороза* («Пройдусь по набережным Вологды...») – используется выразительное олицетворение, наделяющее описываемую реку определенными качествами; *Наша Вологда-речка*, / *Волгас – пожня у нас*. <...> *Волга – Вологда – Волгас* – / *Жизнь, движенье, вода*. / *Инозначного толка* / *Не приму никогда* («Волга – волога – влага...») – в данном стихотворении нашли отражение этимологические рассуждения поэтессы, правда, имеющие в большей степени эстетическое, а не научное значение.

Выразительные описания вологодских городских объектов с использованием различных урбанонимов делают образ Вологды более конкретным и притягательным, здесь обращают на себя внимание яркие и емкие метафоры, сравнения, эпитеты: *По «Челюскинцев» – улице льда* – / *Повели сыновей в никуда* («Девятнадцатое ноября...»); *И – мимо Горки, мимо скверика* / *По воле волн... по воле волн...* («Пройдусь по набережным Вологды...»); *В благоуловленном парке Мира* / *Над тихой Вологодой-рекой* / *Застыли сосны-конвоиры*, / *Земной хранящие покой* («По золотому листопаду...»); *В воде, качаясь, отражаются* / *Соборы, церковки, дома*. («Пройдусь по набережным Вологды...»); *В заречье* / *Храм-монастырь: одна из вех* / *Дорог прижизненных* («По золотому листопаду...»); *Дойду до церковки*, / *Взгляну на маковки*. / *Ах, эти маковки – / Златые луковки*, / *На тучке мягонькой*, / *Как брошки-туговки* / *Одна высоконька – / Головкой лебеда!* / *Другие около* / *Великолеяются* («Мне не до цен в ларьке...»); *Мимо памятника Рубцову*, / *Мимо morga, больницы, тюрьмы* / *Утром топая молодцово* / *В рай земной посреди зимы*. / *По Советскому по проспекту*, / *По асфальту и без него* / *По-рубцовски – в руке с балеткой – / Путешествую далеко* («Мимо памятника Рубцову...»).

Единично в поэзии Ольги Фокиной встречается название других населенных пунктов Вологодской области: *Я, Череповец*, — / *Весь в отца: / Был отец-кузнец / Строг с лица* («Песня о Череповце») – олицетворение; *И то: под Тотьмой – не в Крыму!* («Еще начало октября...») – противопоставление; *А на Тарногу – / Ох, на Тарногу! – / Ни почтового, / Ни товарного* («Кто на Тарногу?»); *Ведь баюкала в Рослятине* / *Пашку... Осподи, прости!* («Бабушка»); *Все нюксенецкая метель* / *К утру сравняет холмики* («Еще начало октября...») – производное от наименования районного центра Нюксеница; наименования рек и озер: *Они на Сухону, на Вычегду, / На*

своей суглинок-супесчаник / Придут! И ту щучару вычерпнут / Непреднамеренно-случайно («Не может быть, что все потеряно...»); Он ночью выпал: / Большой, глубокий, - / Следы засыпал / На всей Мологе («Сегодня нежусь...»); Долгожданной вестью / - Стойте! – речка Ускала («Ехали мы, ехали...»); Ходит Сиверское озеро, / Морщит светлое чело («В Кирилловском монастыре») – олицетворение.

Некоторые топонимы используются для языковой игры: **Вытегра...** **Вытегра...** / *Что-то вроде тигра!* / *Выдь играть!* *Выдь играть!* – / *А в какие игры?* <...> **Волго-Балт...** **Волго-Балт...** / *Что-то вроде волка!* («Песенка об одной командировке»); *Рельсы синие / Кличут скорые / В Воркутинию, / В Вытегорию* («Кто на Тарногу?»); для создания выразительных созвучий: *Ох, Пельпахта!* / (*Как пахта – вкусна!*) / *Не ель-пахта – / На бору сосна* («Про Пельпахту»); *Отзнобило, отморозило, / И растягло, и спит...* / *Только Сиверское озеро / Ветер-сивер шевелит* («В Кирилловском монастыре»); *С блестками-прибасками, / Ракушко-моллюсковый, / До чего ж он ласковый, / Камешек из Ускалы!* («Ехали мы, ехали...»).

Образ Вологодчины создается не только топонимами, но и в немалой степени другими ономастическими средствами, и прежде всего именами собственными известных, именитых вологжан, прославивших свой родной край. Немало в творчестве Ольги Фокиной произведений, посвященных знаменитым землякам, или просто упоминаний их имен и фамилий, как, например, здесь: *Но у меня ответ готов, / Замалчивать негоже: / Литинститутовец – Белов! / Литинститутовец – Рубцов! / Сережа Чухин – тоже!* («Литературный институт...») – названы известные вологодские писатели: Василий Иванович Белов (1932 – 2012), Николай Михайлович Рубцов (1936 – 1971), Сергей Валентинович Чухин (1945 – 1985).

Большой вклад в культуру России в целом и в вологодскую культуру в частности внес замечательный писатель Александр Яковлевич Яшин (1913–1968), его памяти О. А. Фокина посвящает два стихотворения, в которых создает удивительные образы, емко характеризующие уникальность и значимость творчества поэта и прозаика: *Не парижен и не книжен, / Русский, сельский, свой, живой* <...> *Он стихи творил из прозы, / Из любви, а не для поэзы / Землю к небу возносил.* <...> *И Яшин / Между ними – не вечерашен. / Был, и есть, и будет тут* («Не парижен и не книжен...»); важным текстовым элементом посвящений становятся знаковые для А.Я. Яшина наименования: *На Бобришный угор – сугробами / Снег. Снопами – весенний свет. / «...Угощаю рябиной – пробуйте! / Наша ягода. Слаще – нет»* («Сколь мелки жемчуга нанизаны...»); *У него угор Бобришный, / У меня угор Рябишный - / Поросли одной травой* («Не парижен и не книжен...») – в последнем фрагменте подчеркивается преемственность творчества двух поэтов: Фокина воспринимает себя наследницей традиций Яшина.

Трепетно Ольга Фокина относится к личности и творческому наследию ровесника и товарища по поэтическому цеху Николая Михайловича Рубцова (1936 – 1971), стихи, ему посвященные, отличаются особыми – доверительными, дружескими – интонациями, они стилистически приближены

к непосредственной, спонтанной разговорной речи: *Он хотел-умел лишь это: / Складно мыслить, быть поэтом! <...> Жил, пия-поя, как птица!* («Он хотел-умел лишь это...») – здесь эффектно используется излюбленный синтаксический прием поэтессы – дефисные конструкции, объединяющие слова разных частей речи (подробнее см. [3]); а в другом стихотворении передается разговор лирической героини с памятником Рубцову, к которому она обращается запросто, по-дружески: *И – обратно: не столь рысцово – / Мимо морга, больниц и проч. / Чтoб сказать, подойдя к Рубцову: – / Коля, с камня сойди-соскочь! / Коля, верь (потому – права я!), / Сшевельнись и сходи туда – / Воскрешает иных живая / Турундаевская вода!* («Мимо памятника Рубцову...»).

Запоминающие образы и других поэтов-вологжан создаются в поэзии О.А. Фокиной, так, героем «Песенки об одной командировке» становится Владимир Иванович Аринин (1935 г. р.): *Вздремнул комсомольской газеты спецкор / Романтик Володя Аринин. <...> Есть Вовка-строитель! Аринин – поэт! / ...А нету, простите, спецкора;* стихотворение «Еще начало октября...» посвящено памяти безвременно ушедшего нюксенецкого поэта Николая Васильевича Фокина (1953 – 1995): *Мы опоздали к твоему, / Поэт, немногодетию. / Пока ты жил и ворожил / Над песенными строчками...* («Еще начало октября...»).

У О. А. Фокиной есть еще несколько посвящений знаменитым вологжанам: поэту Сергею Васильевичу Викулову (1922 – 2006): *Дорога не запоминается, / Пока идешь за кем-то вслед, / Но все отчаянно меняется, / Коля провозжатых рядом нет* («Дорога не запоминается...»); космонавту Павлу Ивановичу Беляеву (1925 – 1970): *Отошла. Молиться вздумала: / Может, грех, что Павел смел; / Вишь, поднялся выше купола – / Хоть бы ладно, парень, сел!* («Бабушка»); и даже Вологодскому обкому ВЛКСМ: *Мне рано, ребята, в Европы / Дороги и трассы торить: / Еще я на родине тропы / Успела не все исходить <...> Твердящим, что много теряю, / Одно беспечально скажу: / «Не мыслю соперников краю, / Которым живу и дышу»* («Мне рано, ребята, в Европы...») – к слову сказать, последнее стихотворение довольно едко было спародировано известным поэтом-сатириком Александром Ивановым: *Рыдают Женева и Канны, / От грусти Афины в слезах: /- Мадам, вам действительно рано, / Сидите в своих Вологдах.*

Стихотворение «Льдиночка-снежиночка» посвящено кружевной артели «Снежинка» г. Вологды, в нем в яркой поэтической форме описывается творчество знаменитых на весь мир вологодских кружевниц: *Я у мамы кружевное / Ремесло переняла, / Нынче кружево живое / Дорогому поднесла.*

Душа народа заключается прежде всего в его языке – исконном, народном, песенном. На наш взгляд, Ольга Фокина является самым талантливым интерпретатором живой северной речи в поэзии, она активно и мастерски использует в своем творчестве все типы диалектизмов, которые не представляются чужеродными вкраплениями, они являются органичной составляющей речи поэтессы, для которой северный говор был и остается родным, материнским языком, ей не нужно пересиливать себя, выискивать,

собирает, запоминать, осваивать северную лексику, особенности северной фонетики и грамматики, чтобы вставить их в свое произведение как номинативное или образное средство, она буквально «транслирует» северный говор в поэтический дискурс, становясь проводником и защитником родного языка, тем самым повышая его статус.

В различных интервью поэтесса неизменно отдает дань уважения северному говору, как, например, здесь: «Пишу я стихи не для столичного жителя, а для того, чтобы рассказать, какие наши северные люди, какая у нас красивая говоря. Родина – это язык плюс территория. Может быть, злоупотребляю диалектизмами, но сельчане, надеюсь, меня поймут. Иногда приукрашиваю, усиливаю эффект» [6].

«Информационным» поводом для создания одного из стихотворений Ольги Фокиной явился попавшийся в руки поэтессы словарь вологодских говоров, в чем она прямо и признается: *Этот – «бает», а другой – «гутарит»... / Примечай! Ответвуй! Привечай! / Вологодских говоров словарь / Мне попался как-то невзначай*. Поэтесса не может скрыть своей радости от соприкосновения с дорогим, близким, родным для нее кровиншем: *До того говорюшка баская – / Прямо к сердцу ластится и льнет!*; и делает важный, выстраданный вывод о том, что наше духовное спасение – в родном, исконном языке: *Русский он... В беспамятстве событий / Чуждого, отравного вкусив, / Всяк, домой к себе хотящий выйти, / Выходи – на говор! Он еси!* И не беда, что грамматическая ошибка закралась в текст: *он – 3 лицо, еси – 2 лицо, безошибочно главное – смысл!*

В большей степени Ольга Фокина в своей поэзии использует родной верхне-тоемский говор, о чем свидетельствует лексикографический анализ диалектизмов, встречающихся в ее творчестве (см. нашу работу [4]), однако в нескольких стихотворениях поэтессы можно обнаружить образцы вологодских говоров или стилизацию под них, хотя, конечно, разница между архангельскими и вологодскими речевыми особенностями, во всяком случае здесь, не велика: *Кажет девушка / Гостье Тарногу, / Кажет Тарногу / С удовольствиём: / От «магáзина» / Промтоварного / До «магáзина» / С продовольствиём («Кто на Тарногу?»); Ну, а внук-от – комсомолец, дак / Просвещён, да не крещён! <...> Да ужю ты аккуратнее / Телевизор-то крути! / Сделай ярче-то да зорче-то! («Бабушка»); Он лес – насквозь, / И она – «за ём». / До лесу – врозь, / А оттуль – вдвоем! / Он – кузов трясть: / Полога стели! / Грибы – хресь-хресь! – / Видны издали! / Любой – несён: / Лапти, валенки! / ... У ёй-то все / Еки маненьки!* («Про Пельпахту»)

Композитор Азон Нуртынович Фаттах (1922 – 2013), автор нескольких песен на стихи Ольги Фокиной, одну из них назвал «Вологодские страдания», поэтому приведем фрагмент из нее в данной статье как средство создания образа Вологодчины, здесь представляет интерес попытка передачи на письме такой характерной черты северной фонетики, как оканье: *Он приехал издалёка, / По делам приехал, пришагал. / Разговаривал – не окал, / Помогал косить осоку... / Ой ты, сокол, ой ты, сокол, / Ой ты зачем меня поцеловал?* («Было радости немало...»)

Итак, как видим, почетный гражданин города Вологда, любимая вологжанами поэтесса Ольга Александровна Фокина в своем творчестве создала яркий, запоминающийся, неповторимый образ Русского Севера в целом и Вологодчины в частности.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб: Норинг, 1998 [Электронный ресурс]
2. Никитина И. А. «С цветком в руке...» // Фокина О. А. Стихотворения. Поэмы. Венок сонетов. – Вологда: «Книжное наследие», 2007. – С. 7-10.
3. Негров А. В. Дефисные конструкции как выразительное средство в поэзии Ольги Фокиной // Северный и Сибирский тексты русской литературы как сверхтексты: типологическое и уникальное: сборник. – Архангельск, 2014. – С. 327- 336.
4. Петров А. В. Лексические диалектизмы в поэзии Ольги Фокиной // Северное слово. К юбилею Лидии Павловны Комягиной: сборник. – Архангельск: КИРА, 2012. – С.156-185.
5. Фокина О. А. Избранное. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fokina/main/issue.htm>
6. Фокина О. "Прозой баю, а поэзия - бай-бай..." // «Знамя». – 30 августа 2005.

А.С. Виноградова
Вологда

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНА «КАРЬЕРА» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКИХ ТЕКСТАХ

Немецкий социолог М. Вебер обратил внимание на удивительный языковой феномен: у народов, исповедующих протестантизм (или по преимуществу протестантизм), книжное слово «призвание» (*Beruf, calling*) прямо употребляется для обозначения рода занятий (то есть немцы в анкете пишут, если переводить буквально: *мое призвание – портной, машинист и т.д.*). Что касается народов, исповедующих католицизм, то, по наблюдению Вебера, «лишь заимствованное из лексикона духовенства испанское слово *vocacion*, в смысле внутреннего призвания к чему-либо, отчасти родственно по своему этическому значению немецкому *Beruf*, однако оно никогда не употребляется для обозначения рода занятий» [7].

В словаре издательства Лонгман значения слова *career* интерпретируются следующим образом: 1) 'работа или профессия, для которой человек обучен и которой он намерен заниматься часть жизни'; 2) 'общий ход профессиональной жизни человека; ... работа, которую вы надеетесь делать всю жизнь, все с большим и большим успехом' [4].

В современном английском языке лексема *career* употребляется для обозначения профессиональной деятельности в развитии, при этом подразумевается ее продолжительность и ориентированность на успех. В «Тол-